

В.Ю. Леденева**V. Ledeneva****ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ
МИГРАЦИИ В СТРАНАХ
СНГ В УСЛОВИЯХ
ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ
МИГРАЦИОННЫХ
ПОДСИСТЕМ****LEGAL REGULATION OF
MIGRATION IN THE CIS
COUNTRIES UNDER
CONDITIONS OF
TRANSFORMING
MIGRATION SUBSYSTEMS****Аннотация**

В статье анализируются особенности правового регулирования миграции в странах Содружества Независимых Государств в условиях трансформации национальных и межгосударственных миграционных подсистем. Актуальность исследования определяется высокой плотностью миграционных связей на постсоветском пространстве, демографическими дисбалансами и дефицитом трудовых ресурсов в странах-реципиентах, а также значительной социально-экономической зависимостью стран-доноров от внешней трудовой миграции. Цель работы заключается в выявлении ключевых направлений изменения правовых механизмов регулирования миграции и анализе их роли в трансформации миграционных подсистем региона.

Методологической основой исследования выступают институциональный и подсистемный подходы, в рамках которых миграционное право рассматривается как инструмент формирования каналов допуска, режимов занятости, контроля и цифрового администрирования мобильности. Используются методы сравнительно-правового анализа и вторичного анализа статистических данных международных организаций (UN DESA, Всемирный банк, Евразийская экономическая комиссия, СНГ). В работе показано, что миграционная подсистема Центральной Азии выступает своеобразной площадкой для изучения взаимодействия интеграционных процессов как стабилизирующего фактора и турбулентности глобальной сре-

Abstract

The article examines the specific features of migration law and regulation in the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS) in the context of transformations affecting national and intergovernmental migration subsystems. The relevance of the study is obfuscated by the high intensity of migration ties across the Post-Soviet space, demographic imbalances and labor shortages in receiving countries, as well as the significant socio-economic dependence of sending countries on external labor migration. The aim of the study is to identify key directions in the evolution of legal mechanisms regulating migration and to analyze their role in the transformation of regional migration subsystems.

The methodological framework is based on institutional and subsystem approaches, within which migration law is conceptualized as an instrument shaping admission channels, employment regimes, control mechanisms, and the digital administration of mobility. The research applies comparative legal analysis and secondary analysis of statistical data from international organizations (UN DESA, World Bank, Eurasian Economic Commission, CIS). The study demonstrates that the Central Asian migration subsystem functions as a distinctive platform for examining the interaction between integration processes as a stabilizing factor and global turbulence as a destabilizing factor. Additional influence stems from the accelerated digitalization of migration procedures and the emergence of new forms of "virtual migration," which are trans-

ды как дестабилизирующего фактора. Дополнительное влияние оказывает ускоренная цифровизация миграционных процедур и появление новых форм «виртуальной миграции», трансформирующих традиционные модели мобильности.

Установлено, что правовое регулирование миграции в странах СНГ развивается преимущественно не по пути унификации, а через дифференциацию правовых статусов и селективность каналов легальности. Формируются асимметричные миграционные подсистемы, в которых страны-реципиенты и страны-доноры выполняют устойчиво различные функции, а право приобретает особую роль в структурировании миграционных потоков и рынков труда.

Ключевые слова:

миграционная политика; правовое регулирование миграции; страны СНГ; миграционные подсистемы; трудовая миграция; институциональный подход.

forming traditional models of mobility.

The findings indicate that migration regulation in the CIS countries is developing not through legal unification but rather through differentiation of legal statuses and selective channels of legality. Asymmetric migration subsystems are emerging, in which receiving and sending countries perform structurally different roles, while law acquires a configurational function in shaping migration flows and labor markets.

Key words:

migration policy; legal regulation of migration; CIS countries; migration subsystems; labor migration; institutional approach.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-144-158>

Международная миграция на постсоветском пространстве на протяжении последних десятилетий остается одним из ключевых факторов социально-экономической динамики, демографической устойчивости и трансформации рынков труда. Страны Содружества Независимых Государств формируют плотное миграционное пространство, в рамках которого сочетаются устойчивые трудовые потоки, семейная миграция и маятниковая мобильность. При этом в середине 2020-х гг. наблюдается качественное изменение подходов к регулированию миграции, связанное с демографическим старением, дефицитом рабочей силы, цифровизацией государственного управления и ростом управленческих рисков. По данным ООН, численность международных мигрантов в мире достигла 304 млн человек в 2024 году, что отражает долгосрочный рост мобильности населения¹. Россия при этом сохраняет статус одного из крупнейших государств назначения: по оценкам Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН численность международных мигрантов в стране составляет порядка 7,6 млн человек, значительная часть

¹ Численность иммигрантов и эмигрантов по странам происхождения и назначения. (2025). <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/immigrant-and-emigrant-populations-country-origin-and-destination>

которых прибывает из стран СНГ (United Nations, 2024, р. 4). Эти данные указывают на структурную устойчивость постсоветских миграционных связей и их ключевое значение для национальных экономик.

Миграционные движения между Россией и Центральной Азией не являются новым явлением, тем не менее, после распада Советского Союза и последовавших экономических потрясений и политической нестабильности в странах Центральной Азии сформировались новые волны миграции. За последние три десятилетия Российская Федерация трансформировалась в ключевой центр притяжения миграционных потоков на постсоветском пространстве. Если в 1990-е гг. преобладала репатриационная миграция этнических русских из государств Центральной Азии, то начиная с 2000-х годов миграционная динамика приобрела преимущественно трудовой характер. Основной поток стали формировать граждане Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана, направлявшиеся в российские регионы в целях трудоустройства и обеспечения доходов домохозяйств в странах происхождения.

Современный этап развития миграционных процессов характеризуется высокой степенью турбулентности: глобальные экономические кризисы, пандемия COVID-19, вооруженные конфликты, санкционные режимы и масштабные перемещения населения, включая волны так называемой «обратной миграции» из России в страны Центральной Азии с 2022 года, существенно подрывают устойчивость ранее сформировавшихся миграционных коридоров (Ивахнюк, 2020, с. 26). Одновременно продолжаются процессы региональной интеграции, ориентированные на институциональное упорядочение трудовой миграции, сближение правовых режимов и формирование общих рынков труда. В результате складывается особый исследовательский контекст, в котором миграционная подсистема Центральной Азии выступает эмпирической площадкой для анализа интеграции стран как фактора стабилизации и одновременно внешней турбулентности как источника дестабилизирующих воздействий. Дополнительным измерением этих процессов становится ускоренная цифровизация миграционного управления и распространение новых форм «виртуальной миграции» и «виртуальной идентичности», трансформирующих традиционные модели пространственной мобильности и социального взаимодействия мигрантов (Волков и др., 2021, с. 105).

Среди стран Центральной Азии Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан выступают преимущественно странами-донорами трудовой миграции, тогда как Казахстан в большей степени выполняет функцию страны-реципиента. Для государств-доноров трудовая миграция имеет не только социальное, но и системное макроэкономическое значение. По данным Всемирного банка, объем личных денежных переводов в 2024 году составил 47,9% ВВП Таджи-

кистана, 17,7% ВВП Кыргызской Республики и 14,4% ВВП Узбекистана¹. Такая доля переводов свидетельствует о высокой степени внешней зависимости национальных экономик от трансграничной мобильности рабочей силы. В этих условиях любые изменения правовых режимов в странах назначения - ужесточение требований к допуску на рынок труда, трансформация процедур легализации или усиление контроля – оказывают не только индивидуальное, но и макроэкономическое воздействие на страны происхождения. Следовательно, правовое регулирование миграции в принимающих государствах становится фактором региональной экономической устойчивости и элементом межгосударственной взаимозависимости

В научной литературе правовое регулирование миграции традиционно анализируется либо в нормативно-правовой логике (как совокупность законов и подзаконных актов) (Миграционная..., 2024), либо в рамках исследований миграционной политики (Попова, 2023, с. 27), (Потемкина, 2025). Другой распространенный подход связывает правовое регулирование миграции с миграционной политикой в широком смысле, изучая влияние законов, директив и политических решений на направления и объемы миграции (Hammoud-Gallego, 2024; Natter & Welfens, 2025).

В ряде публикаций обсуждается сложность управления миграцией как междисциплинарного правового, социального и политического феномена, требующего комплексного подхода к оценке правовых норм и практик регулирования. Так, Collrin и Bauder (Collrin & Bauder, 2025) показали, что понятие migration governance включает аспекты суверенитета, безопасности, прав мигрантов и транснациональных политик, что отражает его многомерный характер. Кроме того, исследование роли городских сетей в политическом обучении Fornasier (Fornasier, 2026) указывает на значимость социальных и институциональных механизмов взаимодействия акторов управления миграцией. Анализ правовых и нормативных рамок миграционной политики в ЕС (Arrinaj, 2025) подчеркивает, что миграционное управление включает не только юридические нормы, но и политические решения, влияющие на права и интеграцию мигрантов. Исследование рассматривает, как сети городов участвуют в процессе обучения политикам в области управления миграцией, что показывает, что политика миграции включает обмен знаниями, социальные и политические аспекты за пределами чисто правового регулирования.

При всем массиве научных публикаций остается недостаточно изученным вопрос о том, как именно правовые изменения трансформируют мигра-

¹ Data for Tajikistan, Uzbekistan, Kazakhstan, Turkmenistan, Kyrgyz Republic (2024). <https://data.worldbank.org/?locations=TJ-UZ-KZ-TM-KG>

ционные подсистемы, которые состоят из устойчивых комплексов каналов допуска, режимов занятости, инструментов контроля и цифровых контуров управления мобильностью. Существующие исследования, как правило, фиксируют отдельные нововведения, но редко рассматривают их системные последствия.

Данное исследование направлено на выявление ключевых направлений трансформации правового регулирования миграции в странах СНГ в условиях изменения национальных и межгосударственных миграционных подсистем. В его рамках уточняется аналитическое содержание понятия «миграционная подсистема» применительно к сфере правового регулирования, анализируются общие тенденции эволюции миграционного законодательства государств региона, а также рассматриваются эмпирические индикаторы, отражающие асимметрию миграционных подсистем, включая распределение миграционных запасов, роль денежных переводов в экономиках стран-доноров и динамику трудовой мобильности.

Полученные результаты интерпретируются с позиции управленческой логики и институциональных последствий, что позволяет рассматривать миграционное право не только как совокупность норм, но и как инструмент структурирования миграционных потоков и рынков труда.

Для анализа правового регулирования миграции в странах СНГ продуктивно опираться на подсистемный подход, в рамках которого миграция рассматривается как комплекс взаимодействующих элементов (потоки, контрпотоки, институты и правила), а изменения в одном элементе способны перестраивать конфигурацию всей системы. В классической работе А.Л. Мабогунье о «системном подходе» внимание переносится с индивидуального мигранта на институты и подсистемы, которые опосредуют миграционные потоки и формируют устойчивые паттерны перемещений (Мабогунье, 1970). Развитие этой логики в миграционных исследованиях показывает, что миграционные режимы не сводятся к отдельным нормам, а работают как взаимосвязанные наборы правил и практик, поддающиеся общему управлению. В управленческом измерении это близко к современному понятию *migration governance* – многоуровневому управлению миграцией, включающему не только государственные органы, но и муниципальный уровень, межведомственные механизмы, а также регуляторы мобильности между странами.

Миграционная подсистема может быть определена как управленческий комплекс, включающий: допуск в страну – правила въезда и основания пребывания (визовые/безвизовые режимы, разрешительные процедуры, квотирование); занятость трудовых мигрантов – доступ к рынку труда (условия найма, отраслевые ограничения, требования к работодателю и

модели легализации трудовой деятельности); контроль и административные процедуры – учет/регистрация, санкции, процедуры выдворения и ограничения прав при нарушениях; цифровизацию, как инфраструктуру сбора данных и надзора (реестры, межведомственный обмен, цифровые профили, автоматизацию статуса).

Именно эти элементы управленческого комплекса позволяют объяснить, почему государства СНГ меняют регулирование миграционными процессами точно, в основном, через усиление контроля, через расширение организованных каналов при одновременном росте цифрового надзора и т.п. Такой режим «точечной перенастройки» миграционных правил способствует не к их унификации, а, наоборот, к росту асимметрии миграционных режимов.

В российской научной традиции системный подход получил развитие в исследованиях международных и евразийских миграционных пространств.

Концепция «миграционной подсистемы», разработанная И.В. Ивахнюк в рамках теории евразийской миграционной системы и поддержанная исследованиями российских авторов, позволяет рассматривать постсоветское пространство как относительно целостную и взаимозависимую конфигурацию потоков. В этой логике миграционные связи формируют устойчивый механизм воспроизводства мобильности, основанный на институциональных соглашениях, исторической общности и экономической взаимодополняемости стран региона. Анализ с позиций адаптивных (резильентных) систем позволяет дополнительно выявить, каким образом подсистема реагирует на внешние вызовы и внутренние структурные изменения (Ивахнюк, 2020, с. 37).

Для России такой подход имеет особое значение. Исследователи отмечают, что традиционный миграционный потенциал стран Центральной Азии постепенно трансформируется, а конкуренция за рабочую силу усиливается.

Это требует поиска новых моделей взаимодействия между государствами региона и переосмысления механизмов регулирования, что невозможно без учета исторически сложившейся архитектуры миграционной системы, включая неформальные каналы адаптации и транснациональные социальные связи.

Актуальность усиливается тем, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве развиваются неравномерно и постоянно испытывают воздействие внешних и внутренних факторов турбулентности: экономических кризисов, пандемий, геополитических конфликтов и миграционных вызовов и рисков. Эти факторы приводят к фрагментации потоков, росту неформальной мобильности, повышению уязвимости трудовых мигрантов и дестабилизации социально-экономических систем стран исхода и назначе-

ния. Так, например, события 2022 года и последующие санкционные ограничения стали катализатором глубокой перестройки устоявшихся миграционных связей, поставив под вопрос прежние механизмы регулирования и взаимодействия.

В сложившейся ситуации перед научным сообществом встает ряд принципиальных вопросов. Ключевой из них связан с поиском оптимального баланса между усилением миграционного контроля и защитой национальных интересов принимающих государств, и, прежде всего России, и необходимостью поддержания социально-экономической устойчивости, соблюдения прав трудовых мигрантов из стран Центральной Азии и предотвращения негативных последствий для региональной безопасности и долгосрочного развития.

В этом контексте особое значение приобретает исследование структуры и логики правового регулирования миграции в странах СНГ, поскольку именно правовые механизмы фактически формируют региональные миграционные подсистемы.

Правовой анализ свидетельствует о том, что в странах СНГ миграционная политика и соответствующее правовое регулирование развиваются не по пути унификации и гармонизации, а через распространение множества дифференцированных режимов. Хотя в основе остаются общие элементы (правила въезда, пребывания, правовой статус мигрантов), фактическое регулирование в разных странах осуществляется с учетом национальных интересов, экономических приоритетов и интеграционных обязательств в рамках различных объединений. Это выражается в формировании отдельных правовых режимов для ключевых категорий мигрантов:

1. Граждан стран СНГ, для которых зачастую установлены упрощенные режимы въезда и пребывания (например, безвизовые условия или облегченный учет во многих государствах постсоветского пространства). Несмотря на это, реализация этих норм на практике сталкивается с правоприменительными ограничениями, поскольку внутри СНГ отсутствует полноценный правовой режим свободного перемещения, а миграционные квоты и ограничения остаются значимыми инструментами регулирования. Такое положение отражено в анализе миграционных соглашений СНГ, где визовые льготы существуют с ограничениями по трудовой деятельности и продолжительности пребывания;

2. Участников интеграционных объединений, прежде всего, стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В отношении этой категории действуют специальные межгосударственные нормы, предусматривающие упрощенный доступ к рынкам труда государств-членов, взаимное признание

документов об образовании и координацию отдельных аспектов миграционной политики. Эти положения отражены как в межправительственных соглашениях, так и в отдельных правовых актах национальных юрисдикций;

3. Мигрантов из стран «дальнего зарубежья», для которых применяются более жесткие визовые требования, сложные процедуры получения разрешений на работу и ряд дополнительных условий по легализации пребывания. Такая дифференциация проявляется во многих национальных законодательствах стран СНГ и сопутствует глобальным тенденциям усиления контроля над международной миграцией.

Миграционное законодательство, формирующееся в рамках ЕАЭС, за десять лет претерпело значительные изменения и сегодня играет критическую роль, влияя на социальную стабильность, экономическое развитие и международные отношения стран-участниц (Леденева, 2024, с. 156).

По данным Евразийской экономической комиссии, общая численность трудовых мигрантов в странах ЕАЭС по итогам 2024 года достигла примерно 1,1 млн человек, причём значительная часть мигрантов сосредоточена в ключевых секторах экономики (строительство, торговля, транспорт)¹.

В настоящее время сформирован специфический режим регулирования трудовой мобильности, сочетающий элементы наднациональной координации и сохранения национального суверенитета в сфере миграционного контроля. Базовым документом является Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, в частности Раздел 26 «Трудовая миграция» (ст. 96–98), закрепляющий право граждан государств-членов на осуществление трудовой деятельности без получения специальных разрешений и квот, а также равный доступ к рынку труда принимающего государства². Однако сопоставление этих норм с национальными законодательствами Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана показывает, что единое миграционное пространство в полном смысле слова не сформировано. Так, в Республике Казахстан действует Закон «О миграции населения» (2011 г., с изм.), в Республике Беларусь – обновленная Концепция миграционной политики на 2024–2028 гг., в Кыргызской Республике – Концепция миграционной политики до 2030 года, а в Республике Армения – Стратегия миграционной политики (2017–2021 гг.). Эти документы регулируют широкий спектр вопросов

¹ Численность трудовых мигрантов в странах ЕАЭС по итогам 2024 года составила 1,1 миллиона человек// https://newsline.kz/ru/article/1220322/?utm_source=chatgpt.com

² Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. (с изм. и доп.) [Treaty on the Eurasian Economic Union of 29.05.2014 (as amended)]. (2014). <https://docs.cntd.ru/document/901782780>

от противодействия нелегальной миграции до вопросов гражданства и внутреннего переселения и функционируют параллельно с правом ЕАЭС.

Особое место занимает Российская Федерация как крупнейшая страна-реципиент трудовой миграции в регионе. Базовым нормативным актом является Федеральный закон от 25 июля 2002 года №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», который определяет порядок въезда, пребывания, трудовой деятельности, миграционного учета, основания для выдачи разрешительных документов, а также меры административной ответственности и выдворения.

Кроме того, стратегическое направление регулирования закреплено в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до ориентированных на совершенствование механизмов привлечения трудовых ресурсов, цифровизацию администрирования и усиление контроля за соблюдением миграционного законодательства.

Российская модель регулирования сочетает элементы либерализации для граждан государств ЕАЭС (отсутствие разрешений на работу, упрощенный доступ к рынку труда) с жестким режимом контроля для мигрантов из третьих стран (патентная система, разрешительный порядок, реестр контролируемых лиц, цифровой учет). Это формирует двойственную конструкцию, в которой интеграционные обязательства реализуются параллельно с национальными приоритетами безопасности и регулирования рынка труда.

На практике складывается многоуровневая система регулирования: наднациональные нормы определяют базовые принципы свободного трудоустройства внутри Союза, тогда как вопросы миграционного учета, административной ответственности, статуса беженцев, гражданства и контроля остаются в компетенции национальных правовых порядков. Это приводит к формированию селективной интеграции, распространяющейся преимущественно на экономический сегмент трудовой мобильности, но не затрагивающей в полном объеме институты миграционного контроля и обеспечения безопасности.

Особое значение приобретает цифровизация миграционного администрирования. С 1 июля 2021 года в промышленную эксплуатацию введена унифицированная система поиска работы «Работа без границ» – первый совместный цифровой проект ЕАЭС, направлен на обеспечение взаимодействия рынков труда в рамках Союза с помощью цифровых инструментов, расширение функционала национальных информационных систем за счет добавления возможностей для поиска резюме и вакансий по всем странам ЕАЭС.

В проекте «Работа без границ» участвуют уже действующие системы из пяти стран-участниц ЕАЭС: информационная система по поиску работы и подбора персонала «Горц» (Республика Армения) , информационный портал государственной службы занятости (Республика Беларусь) , информационный портал «Работа» – электронная биржа труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан <https://www.enbek.kz/> , информационный портал «Занятость» Информационной системы рынка труда Министерства труда и социального развития Кыргызской Республики , информационная аналитическая система – общероссийская база вакансий «Работа в России» (Российская Федерация). Информационные системы государств-участников проекта взаимодействуют между собой посредством типового программного обеспечения (интегрированного в национальные информационные системы), уникального унифицированного интерфейса и методов API¹. Однако при отсутствии унифицированной системы статистического учета и единых механизмов мониторинга миграционных потоков цифровые инструменты функционируют фрагментарно и не всегда обеспечивают сопоставимость данных между странами.

Для систематизации выявленных особенностей правового регулирования миграции в рамках ЕАЭС многоуровневая структура правового регулирования представлена в табл. 1.

Таблица 1. Многоуровневая структура правового регулирования миграции в ЕАЭС

Уровень регулирования	Основные инструменты	Степень унификации	Сфера компетенции
Наднациональный (ЕАЭС)	Раздел 26 Договора о ЕАЭС; пенсионное соглашение 2019 г.; акты ЕЭК	Частичная (только трудовая мобильность)	Трудоустройство, социальные гарантии
Национальный (государства-члены)	Законы о миграции, гражданстве, правовом положении иностранцев	Низкая	Контроль, учет, санкции, статус иностранцев
Цифровой уровень	Система «Работа без границ», национальные реестры	Фрагментарная	Информационный обмен, поиск работы
Социальный уровень	ОМС, пенсионные механизмы, соглашения о соцобеспечении	Частичная	Социальная защита трудящихся

¹ Проект «Работа без границ» стартовал в ЕАЭС. (2025). <https://eec.eaeunion.org/news/proekt-rabota-bez-granic-startoval-v-eaes/>

Таким образом, правовое регулирование миграции в ЕАЭС формируется в сочетании как интеграционных механизмов, так и институциональной фрагментации. С одной стороны, создан режим упрощенного трудоустройства и координации социального обеспечения; с другой – сохраняется значительная автономия государств в вопросах контроля, статуса и санкций. В результате формируется не единая миграционная система, а селективная подсистема трудовой миграции, встроенная в национальные режимы регулирования, что усиливает асимметрию между странами-реципиентами (прежде всего Россией и Казахстаном) и странами-донорами рабочей силы и требует дальнейшего анализа с позиций баланса интеграции и суверенитета.

Помимо стран-членов ЕАЭС, в пространстве СНГ имеются значимые национальные правовые режимы, формирующие собственные модели регулирования миграции, отражающие уникальные исторические, экономические и социальные условия. Такие режимы существенно различаются по целям регулирования, степени открытости, институциональной структуре и инструментам правового воздействия, что усугубляет институциональную фрагментацию миграционного пространства региона.

В Азербайджанской Республике правовое регулирование миграции связано с рядом действующих нормативных актов, включая Закон «О правовом положении иностранцев» (2005, с изм.), который определяет правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства, порядок их въезда, проживания, регистрации, трудовой деятельности и выдворения. Дополнительно азербайджанский правовой режим включает положения о миграционной службе, обязанностях правоохранительных органов, а также механизмы привлечения иностранных работников на основе квот и разрешений, которые ежегодно утверждаются правительством. Эти правовые нормы ориентированы на защиту национального рынка труда, обеспечение государственной безопасности и социальную стабильность, но зачастую действуют в условиях высокой административной сложности и значительного режима контроля со стороны миграционных органов.

В Республике Узбекистан миграционное регулирование построено на принципах обеспечения прав и свобод иностранцев и лиц без гражданства, одновременно акцентируя внимание на необходимости упорядочения миграционных потоков. Закон «О внешней трудовой миграции» (2019) и ряд подзаконных актов регулируют трудовую мобильность за рубежом, включая условия отправки и поддержки граждан Узбекистана, работающих за пределами страны. Узбекская правовая модель носит комбинированный характер,

сочетая элементы государственного контроля с попытками создать условия для легального и управляемого доступа к международным рынкам труда.

В Республике Таджикистан основным правовым каркасом миграционного регулирования является комплекс законов и подзаконных актов. Как страна-донор крупного объема трудовой миграции, Таджикистан сочетает правовые нормы о защите прав своих граждан за рубежом с механизмами контроля въезда и пребывания иностранцев. В частности, действуют условия обязательной регистрации иностранных граждан, процедурные требования к легализации трудовой деятельности, а также меры по поддержке соотечественников, возвращающихся в страну. При этом таджикское миграционное право часто критикуется за недостаточность эффективности его реализации.

Такое разнообразие национальных подходов - от строгого контроля и квотирования (Азербайджан), через комплексное управление трудовой миграцией (Узбекистан), до администрирования транснациональных потоков и защиты граждан за рубежом (Таджикистан) - подчеркивает, что в пространстве СНГ отсутствует единая модель правового регулирования миграции. Вместо этого мы имеем совокупность национальных правовых режимов с собственными приоритетами, структурами и институциональными механизмами. Такая вариативность усиливает институциональную фрагментацию миграционного пространства СНГ и подчеркивает необходимость сравнения национальных моделей и учета нормативно-правовых норм, а также практику их применения.

Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов: во-первых, анализ правового регулирования миграции в пространстве СНГ показал, что на региональном уровне не сформирована единая миграционная система. В рамках Евразийского экономического союза институционализирован селективный режим трудовой мобильности, обеспечивающий упрощенный доступ к рынкам труда государств-членов и координацию отдельных социальных гарантий. Однако этот режим не трансформировался в полноценное единое миграционное пространство.

Во-вторых, за пределами ЕАЭС, в Азербайджане, Узбекистане, Таджикистане и других странах СНГ действуют самостоятельные национальные правовые режимы, ориентированные преимущественно на защиту внутреннего рынка труда, контроль въезда и администрирование статуса иностранных граждан. В результате интеграционные механизмы ЕАЭС сосуществуют с национальными моделями регулирования, но не встроены в наднациональную миграционную систему в масштабах всего СНГ. Таким образом, речь идет не о едином правовом пространстве, а о совокупности взаимосвязанных, но институционально разнородных миграционных подсистем.

В-третьих, правовое регулирование миграции в регионе носит селективный и функционально ограниченный характер. В ЕАЭС свобода передвижения и трудоустройства распространяется исключительно на граждан государств-членов и преимущественно на категорию трудящихся при наличии действующего договора. В странах СНГ, не входящих в Союз, регулирование, напротив, строится на разрешительном и контрольном принципе, включая обязательную регистрацию и административные ограничения. Региональная миграционная интеграция имеет преимущественно экономическую направленность и не охватывает в полном объеме образовательную, гуманитарную, долгосрочную иммиграцию или институты убежища. Формируется модель «условной мобильности», зависящей от занятости и правового статуса.

В-четвертых, сохраняется высокая степень институциональной фрагментации в рамках всего СНГ. Национальные правовые порядки существенно различаются по: механизмам миграционного учета и регистрации; процедурам контроля и выдворения; объему социальных гарантий; режимам допуска к рынкам труда; степени цифровизации миграционного администрирования.

В Азербайджане и Узбекистане акцент сделан на централизованный государственный контроль, в Таджикистане - на регулирование трансграничной трудовой миграции и защиту граждан за рубежом, в странах ЕАЭС - на координацию трудовой мобильности при сохранении национального контроля. В результате единый миграционный поток между странами СНГ регулируется различными правовыми инструментами в зависимости от страны назначения, что воспроизводит многоуровневую архитектуру регулирования.

В-пятых, цифровизация миграционного администрирования развивается быстрее, чем правовая гармонизация. Введение системы «Работа без границ» стало шагом к цифровой интеграции в рамках ЕАЭС, однако аналогичные механизмы отсутствуют на уровне всего СНГ. При этом унификация статистических стандартов, процедур межгосударственного обмена данными и мониторинга занятости остается неполной. Таким образом, цифровые инструменты выступают скорее катализатором интеграции, чем ее результатом, выявляя институциональные разрывы между государствами.

В-шестых, формируется модель дифференцированной и асимметричной интеграции в пространстве СНГ. Ее ключевые характеристики: экономическая мобильность институционализована частично (прежде всего в ЕАЭС); контроль и безопасность остаются национальными; социальные гарантии координируются, но не унифицируются; цифровая инфраструктура развивается неравномерно; сохраняется выраженная асимметрия между странами-донорами и странами-реципиентами.

Эта модель обеспечивает гибкость и сохранение государственного суверенитета, однако ограничивает глубину региональной интеграции и усиливает структурную зависимость миграционных подсистем друг от друга.

Проведенное исследование показало, что правовое регулирование миграции в пространстве СНГ развивается не по модели институциональной унификации, а в логике дифференцированной интеграции. В рамках ЕАЭС создан селективный режим трудовой мобильности, однако за пределами Союза сохраняются самостоятельные национальные правовые конструкции (Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан и др.), ориентированные преимущественно на контроль и регулирование потоков.

Региональное миграционное пространство представляет собой сложную, многоуровневую систему, в которой интеграционные и суверенные элементы сосуществуют и взаимодействуют. Экономическая мобильность опережает разработку и внедрение норм контроля, статуса и гражданства, а цифровизация становится инструментом ускорения законодательных изменений.

Таким образом, евразийское миграционное пространство следует рассматривать как динамичную правовую конфигурацию, находящуюся в стадии институциональной трансформации. Его дальнейшая эволюция будет зависеть от способности государств СНГ обеспечить баланс между интеграцией, суверенитетом, безопасностью и защитой прав мигрантов.

Литература

Arrinaj Florida. (2025). Migration governance in the EU: Legal and normative frameworks. *Academic Journal of Business, Administration, Law and Social Sciences*, 11(1), 64–76. <https://doi.org/10.2478/ajbals-2025-0005>

Collrin, B., & Bauder, H. (2025). Migration governance between sovereignty, security and rights: An analysis of the literature. *International Migration*, 63(3). <https://doi.org/10.1111/imig.70025>

Fornasier, J. (2026). Exploring the contribution of migration city networks to policy learning in European cities: The case of Eurocities. *Cities*, 170, Article 106684. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2025.106684>

Hammoud-Gallego, O. (2024). The short-term effects of visa restrictions on migrants' legal status and well-being: A difference-in-differences approach on Venezuelan displacement. *World Development*, 182, Article 106709. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2024.106709>

Mabogunje, A. L. (1970). Systems approach to a theory of rural-urban migration. *Geographical Analysis*, 2(1), 1–18. <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.1970.tb00140.x>

Natter, K., & Welfens, N. (2024). Why has migration research so little impact? Examining knowledge practices in migration policy making and migration studies. *International Migration Review*, 58(4), 1669–1700. <https://doi.org/10.1177/01979183241271683>

Ивахнюк, И. В. (2020). Миграционная система Евразии: устойчивость в условиях турбулентности. *Вестник МГИМО-Университета*, 13(5), 34–52.

Леденева, В. Ю. (2024). Управление миграционными процессами в странах Евразийского экономического союза: сравнительный анализ. *ДЕМИС. Демографические исследования*, 4(3), 154–166. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.10>

Миграционная правовая политика России: тенденции и пути развития. (2024). Норма; ИНФРА-М. <https://doi.org/10.12737/2123874>

Попова, С. М., Яник, А. А., & Карпова, С. Ф. (2023). Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989–2023). *Административное и муниципальное право*, 4, 24–51. <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2023.4.43666>

Потемкина, О. Ю. (2025). Новые тенденции внешнего измерения политики миграции и убежища ЕС. *Мировая экономика и международные отношения*, 69(5), 44–54. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-5-44-54>.

References

Arrinaj, F. (2025). Migration governance in the EU: Legal and normative frameworks. *Academic Journal of Business, Administration, Law and Social Sciences*, 11(1), 64–76. <https://doi.org/10.2478/ajbals-2025-0005>

Collrin, B., & Bauder, H. (2025). Migration governance between sovereignty, security and rights: An analysis of the literature. *International Migration*, 63(3). <https://doi.org/10.1111/imig.70025>

Fornasier, J. (2026). Exploring the contribution of migration city networks to policy learning in European cities: The case of Eurocities. *Cities*, 170, Article 106684. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2025.106684>

Hammoud-Gallego, O. (2024). The short-term effects of visa restrictions on migrants' legal status and well-being: A difference-in-differences approach on Venezuelan displacement. *World Development*, 182, Article 106709. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2024.106709>

Ivakhnyuk, I. V. (2020). Eurasian migration system: Stability amidst turbulence. *MGIMO University Bulletin*, 13(5), 34–52. (In Russ).

Ledeneva, V. Yu. (2024). Migration management in the Eurasian Economic Union countries: A comparative analysis. *DEMIS. Demographic Studies*, 4(3), 154–166. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.10> (In Russ).

Mabogunje, A. L. (1970). Systems approach to a theory of rural-urban migration. *Geographical Analysis*, 2(1), 1–18.

Migratsionnaya pravovaya politika Rossii: tendentsii i puti razvitiya [Migration legal policy of Russia: Trends and development paths]. (2024). Norma; INFRA-M. (In Russ).

Natter, K., & Welfens, N. (2024). Why has migration research so little impact? Examining knowledge practices in migration policy making and migration studies. *International Migration Review*, 58(4), 1669–1700.

Popova, S. M., Yanik, A. A., & Karpova, S. F. (2023). Transformation of Russia's migration policy: Stages, features, problems (1989–2023). *Administrative and Municipal Law*, (4), 24–51. <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2023.4.43666> (In Russ).

Potemkina, O. Yu. (2025). New trends in the external dimension of EU migration and asylum policy. *World Economy and International Relations*, 69(5), 44–54. (In Russ).

Для цитирования: Леденева В. Ю. Правовое регулирование миграции в странах СНГ в условиях изменяющихся миграционных подсистем / В. Ю. Леденева // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 144–158. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-144-158.